

Григорій Варсава Сковорода

Любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову

желаєт мира божія.

Проживая дни жизни по оному Сираховскому тупику?: "Блажен муж, иже в премудрости умрет и иже в разумѣ своем поучается святынь, размышляя пути ея в сердцѣ своем, и в сокровенных ея уразумится", соплел я в сіє 1787-е лѣто маленькую плетеницу, или корзинку, нареченную "Благодарный Ероѣдїй". Се тебѣ дар, друже! Прїйми его, Еродїа, по-еродїеву, прїйми парящаго и сам сый парящїй. Прїйми сердцем Еродїєво сердце, птица птицу. "Душа наша яко птица". Да будет плетенка сія зеркалом тебѣ сердца моего и памятною нашея дружбы в послѣдняя лѣта. Ты видѣ отец еси и сам птенцы твоя воспитуеши. Я же есмѣ друг твой, принесшїй плетенку сію. В ней для младаго ума твоих птенцов обрящеши оп-риснок от оных хлебов: "Хлѣб сердце челоуѣку укрѣпит". Всѣх в них зело сіє сице: яко живет средѣ вас нѣчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явиться во свое ему время. Вы же со благоговѣніем ждите, яко рабы, чающїи господа своего... Ничто же бо естѣ бог, то-чїю сердце вселенныя; наше же сердце нам же естѣ господѣ и дух. Сїє домашнее они свое благо со временем узнав и плѣнивсѣя прекрасною его добротою, не станут безобразно и бѣсновато гонитися за мырскими суетами и во всѣх злоудачах возмогут себе утѣшити сею давидскою пѣсенькою: "Возвратися, душа моя, в покой твой и стези своя посредѣ себе упокоят со Исаїею". Ничим же бо бездна сія сердце наше удовлетворяется, токмо са?мо собою, и тогда-то в нем сіяет вѣчная радости весна. Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирѣчь истинный отец; чада же твоя будут истинный, благодарный, благочестивый и самодовольный ероѣдїи. Протчее же подобает нѣчто сказати о еродїйской природѣ. Они подобны журавлям, но светлѣйшее періе и коралловый или светло-червлє?нный нос. Непримиримый враги змїям и буфонам, значит — ядовитым жабам. Имя сіє (???????) есть еллинское, значит — боголюбный,

іна́че зовется (пеларго?с и ерога?с), римски — киконіа, полски — боця́н, ма-лоросси́йски — гайстер. Сія птица освятилася в богословская гаданія своея благодарности, прозорливости и чело́вколюбія. Поминает ее Давид и Іереміа. Они кормят и носят родителей, паче же престарі́лых. Гніздятся на домах, на ки́рках, на их шпи́цах и на турнях, сирі́ч горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Гунгаріи виді́л я на камінах. Гаданіе — еллински — символон. Первый символ составляет она сей: сидит в гнізді, па храмі святом утвержденном. Под образом подпись такова: "Господь утверждєніе мое". Второй символ: стоит един Еродій. Подпись сія: "Ничто же сильнее благочестія". Третий символ: Еродій терзает змія. Подпись: "Не возвращуся, дондеже скончаются". Сій три символы да будут знаменіем, гербом и печатію книжицы сея. Она совершилася в первую квадр1 первыя луны осінныя. Аминь!

"Тамо птицы возгніздятъся". "Еродієво жил[ище] предвод[ительствует] ими" (Псалом). "Еродій позна время свое" (Іереміа).

Главизна и твердь книжицы.

"Прійдите, чада, послушайте мене, страху господню научу вас" (Давид).

"Аще сердце наше не осуждает нас, дерзновєніе имамы" (Іоанн).

"Сыне! храни сердце твое, люби душу твою" (Сирах), "Разумыв праведник, себѣ друг будет" (Соломон).

"Человѣк в чести сый не разумѣ..." (Давид). "Всяк дух, иже не исповедует Іисуса Христа во плоти пришедша, от бога нѣсть" (Іоанн).

"Еродій позна время свое, Израиль же мене не позна" (Іереміа).

"Неблагодарнаго упованіе, яко иней зимный, растает и изліється, яко вода неключима" (Соломон).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА ЕРОДІЙ.

В ней разглагольствует обезяна

со гиенцем Еродіевым о воспитаніи.

Обезяна, по древней своей фамилии именуемая Пишек. Она во африканских горах на рясном и превознесенном древн со двома чад своих седмицами сидѣла. В то же время пролѣтал мимо младый Еродій. Госпожа Пи?шек, узрѣв его: — Еродій, Еродій! — воззвала к нему, — друг мой Еродій, сын пелергов! Радуйся! Мир тебѣ! Хатре! Салам али кюм!..2

Е р о д і й. А-а! Всемиловитая государыня! Бонжур!3 Кали? име?ра! День добрый! Gehorsamer Diener!4 Дай бог радоваться! Salve!5 Спасайся во господѣ!..

П и ш е к. Ай, друг ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучал тебе попугай. Куда бог несет?

Е р о д і й. Лечу за пищею для родителей.

П и ш е к. Вот бѣда! Ты ли родителей, а не они тебе кормлят?

Е р о д і й. Сіє нѣсть бѣда, но веселіє и блаженство мое. Они кормили мене в младости моей от младых ногтей моих, а мнѣ подобает кормити их при старости их. Сіє у нас нарицается аутілеХарувіу, сирѣчь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и еллины весь наших птиц род называют пеларгос. Но мы их не точію кормим, но и носим за немощь и старость их.

П и ш е к. Чудо преестественное!, Новость, рѣдкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери чад?

Е р о д і й. Я и мнїйшій мене брат Ерогас, и сестра Киконїа.

П и ш е к. Гдѣ вы обучалися во отроческіи лѣта?

Е р о д і й. Нигдѣ. Мене и брата научил отец, а мати сестру.

П и ш е к. О, мой боже! Вездѣ цветут славныи училища, в коих всеязычныи обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитанїя?

Е р о д і й. Для того же то самага сами нас воспитали родители.

П и ш е к. Да его ли дѣло учить и воспитывать? Развѣ мало у нас вездѣ учителей?

Е р о д і й. Он сам великій к сему охотник, а мати ему во всем послѣдует. Он славословит, яко двѣ суть главный родительскїя должности сїи: "Благо родить и благо научить". Аще кто ни единый от сих двоих заповѣдей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей нѣсть отец чаду, но виновник вѣчныя погибели. Аще же родил видно благо, но не научил, таков, рече, естѣ полу-отец, яко же достойно есть полу-мати, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол мастерства своего доилицѣ и погубившая половину чадолюбїя. Аще-де мѣсто владычнее сидѣніем рабским безчестится, како не безобразится отческа я должность, исправляема рабом или наемником? Буде же отец извиняется скудостїю времени, прощается тогда, когда обрящет лучшее дѣло. Но ничто же лучше естѣ благого воспитанїя: ни чин, ни богатство, ни фамилія, ни милость вельмож, развѣ благое рожденїе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сѣмя щастїю и зерно воспитанїю.

П и ш е к. Благо родитѣ разумѣеши ли что ли?

Е р о д і й. Не знаю. Знаю же, что он сїе поставляет известным для единых избра?нных божїих. Иногда-де во убогом домикѣ, исполненном

страха божія, друг роду человеческого благо родится человек, не всегда же и в царских чертогах. Да уразумѣм, яко не красота мыра сего, ни тварь кая-либо, но едина благодать божія благому рожденію виновна бывает и яко благородство не лѣтами к нам прицепляется, но раждается зѣрно его с нами. Знаю же и сіє, яко мой отец, разъярен от коего-либо негодяя, стрѣляет на его сими словами:

O quarta luna seminate!

O malo utero gestate!

O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не обык никого.

П и ш е к. Протолкуй же мнѣ сій уязвленія.

Е р о д і й. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

О в четверту луну посѣян!

О злѣ чревоноше?н матерью!

О злый у?ме и злая врода!

П и ш е к. Конечно, отец твой знает римскій и еллинскій язык?

Е р о д і й. Столько знает, сколько попугай по-французски.

П и ш е к. Что се? Не ругаешься ли отцу твоему?

Е р о д і й. Сохрани мя, господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

П и ш е к. Как же он, не научен римски, гово?рит римски?

Е р о д і й. Есть у его друг, нехудо знающій римски и маленьку часть еллински. С ним он, часто бесѣдуя, научился сказать нѣсколько слов и нѣсколько сентенцій.

П и ш е к. Ах, мой боже! Как же он могл вас воспитать, невѣжда сый?

Е р о д і й. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сія: "Не ходи в чужій монастыр с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком". У нас не как у вас, но совсѣм иной род воспитанія в модѣ. У вас воспитаніе зѣло драгое. У нас же вельми дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою цѣною.

П и ш е к. Бездѣлица! Сотню рубликов с хвостиком поряты в год на малчика, а чрез 5 лѣт вдруг он тебѣ и умница.

Е р о д і й. Госпоже Деньга достает и за морем. Но гдѣ ее взять? А воспитаніе и убогим нужно есть. И кошка блудлива не находит себѣ пристанища. Избавляет же от блуда нас не деньга, но молитва туне.

П и ш е к. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитаніи.

Е р о д і й. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитаніи.

П и ш е к. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержи? шься. Однако, скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметикѣ ли и геометріи? Ученому ли коему или шляхетному язы?ку?..

Е р о д і й. Да мнѣ и сіе невѣдомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

П и ш е к. Да ты же со мною привитался разными язы?ками.

Е р о д і й. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

П и ш е к. По крайней м?р? та?нчить или играть на лютню...

Е р о д і й. А бог з вами! Я и на балалайку, не только на цымбалах не ум?ю.

П и ш е к. Ха! Ха! Хе! Ему лютня и цымбали все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка великое врачевство? во скорбех, ут?ха же в печали и забава в щастіи. Да чего же он тебе научил? Скажи, пожалуй!

Е р о д і й. Ничего.

П и ш е к. Умора, ей-ей! уморил ты мене см?хом... Так, так-то у вас воспитывают?

Е р о д і й. Так!

П и ш е к. Может быть, достал теб? чинок?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Может быть, деньгу вам велику собрал или им?ніе?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Так что же? Роги золотыя вам на голов? возрастил, что ли?

Е р о д і й. Родил и возрастил нам посребре?нныя крила, ноги, попирающие главы зм?ев, нос, разстерзающ?й оныя. Се наша и пища, и слава, и забава!

П и ш е к. Да у вас же крила черныя, по крайней мѣрѣ смуглыя.

Е р о д і й. Черныя видѣ, но лѣтаютъ путемъ посребренымъ.

П и ш е к. Чего же либо научил вас, однакъ: нельзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вамъ напечатанное. Родители суть божій, чада же суть родительскій списокъ, изображеніе, копія. Какъ отъ яблони соки во вѣтви своя, такъ родительскій духъ и нравъ переходитъ въ чада, дондеже отлучатся и нововкоренятся.

Еродій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навѣчить, хоть извѣчить. Хоть ученый, хоть звичайный, хоть привычный есть то же. Отъ природы, яко матери, легесенько спѣетъ наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновение навѣчишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправишь на Каѣвказныя горы, привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водотечей, но не вѣблюда и не вѣпра. Аще всяческая строитъ премудрая и блаженная натура, тогда како не единая она и исцѣляетъ и научаетъ? Всякое дѣло спѣетъ, аще она путеводствуетъ. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будьте дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершитъ!. Клубокъ самъ собою поточится изъ горы: отними только ему препятствующій претыканіе камень. Не учи его котиться, а только помогай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы?, очисти гусенѣ, отврати устремляющуюся на корень ея урынубъ и протчая. Учитель и врачъ — нѣсть врачъ и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачебницы, и учельницы. Буде кто чего хочетъ научиться, къ сему подобаетъ ему родиться. Ничто же отъ человѣка, отъ бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзаетъ безъ бога научить или научиться, да памятуетъ пословицу: "Волка въ плугъ, а онъ въ лугъ". Доколѣ колцо виситъ изъ ноздрей свиніи, дотолѣ не роетъ. Выйми же, паки безобразитъ землю.

Сіє нїсть воспитаніє и нїсть ученіє, но обузданіє, от челоуїческія помощи происходящее, всїх беззаконников управляющее. Воспитаніє же истекает от природы, вливающія в сердце сїмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дїлаем все тое, еже свято и угодно есть пред богом и челоуїки. Коликое идолопоклонство восписывать челоуїческим наукам и челоуїческим языкам восприносить и воспрпчитать воспитаніє? Кая полза ангелскій язык без добрыя мысли? Кїй плод тонкая наука без сердца благого? Развї, еже орудіє злобы, бїшенству меч и притчею сказать "крила и роги свинїи". Воззрим, госпоже моя, на весь род челоуїческій! У них науки, яко же на торжищах купля, кипят и мьтутся. Обаче, они хищнїе суть птиц, невоздержнїе скотов, злобнїе звїрей, лукавїе гадов, безпокойнїе рыб, невїрнїе моря, опаснїе африканских пїсков... Чего ради? Того ради, яко злї ро?дятся. Природа благая естї всему начало и без нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благодарю убо неизреченным образом богу во образї его святом, во отцї моем, яко благо от его родитися сподобил мя естї. Вторая же икона божїя нам естї мати наша. Сего ради главным божїим дарованїем одарен чрез родителей моих; все протчее челоуїческое: чин, богатство, науки и всї вїтроносныи их блонды и пукли с кудрями вмїняю во хвост, без коего голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы.

П и ш е к. Убо что ли естї благо родитися и благая природа естї что ли?

Е р о д і й. Благая природа и врода естї благое сердце.

П и ш е к. Что ли естї сердце благое?

Е р о д і й. Сердце благое естї то же, что приснотекущїй источник, точащїй чистыя вїчно струи, знай, мысли.

П и ш е к. Что ли суть мысли?

Е р о д і й. Снмя благих днл.

П и ш е к. Днла же благая суть что ли?

Е р о д і й. Добрыи плоды, приносиміи богу, родителям, благодѣтелям
в честь, славу и жертву.

П и ш е к. Зачем же мнѣ сердце твое не видно?

Е р о д і й. Тѣм, что древеснаго корня не видишь.

П и ш е к. А ведь вся влага от кореня?

Е р о д і й. От сердца же всѣ совѣты.

П и ш е к. Как же твоя природа или врода? К чему ты рожден или
врожденное тебѣ, что ли? Скажи, молю!

Е р о д і й. Благодарность — вот вам начало и конец моего рожденія!

П и ш е к. Ах, мой боже! И ты на сем одном храмину щастія основал?
Тако ли?

Е р о д і й. Ей-ей! Тритысящолѣтная пещь неопално соблюла притчу
сію; "Много хитростей знает лис, а еж одно великое".

П и ш е к. Но может ли от дождевых безгодій спасти сія, так
сказать, куртая и куцая куртинка?

Е р о д і й. Довлѣет, как ковчег.

П и ш е к. Мнѣ кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Е р о д і й. И мнѣ видится малым червончик, но тайно там много сидит гривень.

П и ш е к. Сего же то ли единого учит тебе твой отец?

Е р о д і й. Единого точію сего. Он родил мнѣ крила, а я сам научился лѣтать. Он вродил мнѣ благое сердце, я же самовольно навикаю и глумлюся, сирѣчь забавляюся благодарностію. Он только часто отсекает мнѣ волчцы?, разумѣй, поступки мои, не сличны благодаренію, орошает бесѣдою, оживляющею ко благодарности. Всѣ же бесѣды его, как магнитная стрѣла в сѣверную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мученій, благодарная же воля есть всѣх сладостей рай. Сыне (часто вопіет на мене), сыне мой! Ей, учися единыя благодарности. Учися, сидяй в дому, летай путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоя. Да будет она тебѣ сладчайшим и вечерним, и ранним, и обѣдним куском! Знай, что всѣ протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буй! Не хватайся за хвост, минув голову. Пріемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, кои пѣсок, черепашины и камушки обращают себѣ вареніем крѣпкаго своего внутренняго жара в питательный свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что бо?льный желудок, гнушающійся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, пріемлющаго все во благо и укрѣпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же их и древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню зе?рном есть благодарность. Она ест дух чистый, тихий, благодушный, благовонный, весна и ведро свѣтлаго смысла. Не трещит там молнія и гром. Вопреки же, все терніе и волчцы рождаются от насытыя пїявицы зависти, завить же от ропота, ропот же от неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нѣдро неусыпаемым червѣм, безпереривно денно и ночью душу гризущим. Ах! Дѣти мои, дѣти! Вот вам надежда и гавань! Еухаристіа.

П и ш е к. А что ли сіе слово значит (еухаристіа)?

Е р о д і й. Еллины сим словом называют благодареніе.

П и ш е к. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сіе благодареніе ваше воздавать будете?

Е р о д і й. Богу, родителям и благодѣтелям. Оно богу жертва, родителям честь, а благодѣтелям воздаяніе. Обладатели суть первый благодѣтели.

П и ш е к. Чудная форма воспитанія. У нас бы осмѣяли из ног до головы вас. Гдѣ сія мода? Развѣ в Лунѣ или в дикой Америкѣ?

Е р о д і й. Отец наш вельми страннаго сердца. Из тысящи сердец едва одно найти, согласное ему.

П и ш е к. Так что же прочее?

Е р о д і й. Так не дивитесь чудной формѣ.

П и ш е к. Как же так? Видь не должно отставать от людей, а люде и мода одна то.

Е р о д і й. О! о! Он то сея думы далечает, нежели китайская столица от португалскія. Он нам часто-пречасто сію притчу спѣвает:

По мосту, мосточку с народом ходи,

По разуму ж его себе не веди.

За жуком ползая, влѣзешь и сам в глинку.

Он всегда благоувѣстит нам, что мода тожде есть, что мыр, мыр же есть море потопляющихся, страна морового язвою прокаженных, ограда

лютых львов, острог плһненных, торжище блудников, удица
сластолюбная, печь, распалая похоти, пир бһснующихся, лик и
коровод пьяно-сумозбродных и не истрезвятся, дондеже изнурятся,
кратко сказать, слһпцы за слһпцем в бездну грядуще. Блажен муж, иже
не идет на путь его. В началһ видь врата его красны и путь пространный,
конец же его — непроходимая пропасть, нетре?нная дебря, бездна
глубока. Ах, каковых он приємлет к себһ? Каковыми же паки отпускает от
себе юнош? Если бы ваше, дһти мои, око прозирало так, как мое,
показалися бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слһпо, и злодһй
ваш хитр, сіе источает мнһ слезы. О юноши! Когда помышляю о вас, в
мир устремляющихся, нелзя, чтоб не пала мнһ во ум притча о волкһ, кой,
пожерши мать незлобных агнцов и надһв кожу ея на себе,
приблизился к стаду. Сын же, увидһв мнимую мать свою, со всһх сил
устремился к ней, а за ним безчисленны. Також-де мнһ приходят на
память наша братія — птицы тетерваки?, ганяющіися за изобиліем пищи
и уловляемый. Но чайки, сосһдки и дятлы бережливһе их столько,
сколько елени и сайгаки овец и волков. Послушайте, дһти, отца вашего
пһсеньки сея:

Будь доволен малым. За многим не гонися.

Сһти, простерты на лов,— вельми бережися.

Я вам предсказываю — роскошно не жити!

На таковых-то всегда запинаят сһти.

Триста пали в неволю по горячей страсти,

Шестьсот плачут в болһзнях за временны сласти.

Кто благодарен богу, тот малым доволен,

А ропотник всһм миром не сыт и не полен.

Благодарная душа избежит от сѣти;

Вмѣсто же ея в сѣти попадет несытый.

Не правду ли я сказал, госпоже моя, что отец наш нравоученіе всегда печатлѣет благодарностію? Во благодарности (рече) так сокрылося всякое благо, как огонь и свѣтъ утаился во кремешкѣ. Вѣрую и исповѣдую. Кто бо может возложить руки на чуждое, аще не прежде погубит благодарность, довольствующуюся собственным своим посылаемым ей от бога? Из неблагодарности уныніе, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лесть, хищеніе, татьба, кровопролитіе и вся беззаконій бездна. В безднѣ же сей царствует вѣчная печаль, смущеніе, отчаяніе и с неусыпным червѣм удка, увязшая в сердце. Сим образом живет весь мир.

П и ш е к. Но, друг мой, поколь мир впадет в ров отчаянія, вы с вашею богинею, благодарностію, прежде погибнете от глада, не научившись сыскать мѣсто для пропитанія.

Е р о д і й. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Имѣть пропитаніе? Вижу убо нынѣ, что по вашей желудковой и череватой философіи блаженнѣйшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья.

П и ш е к. Вот он! Чорт знает что поет! Развѣ же голод то не му?ка?

Е р о д і й. Сію му?ку исцѣлит мука?.

П и ш е к. Да гдѣ же ее взять?

Е р о д і й. Когда свинія имѣет, как ли нам не достать пищи? Да и гдѣ вы видите, что свинія или наш брат, тетервак, от глада умирает? Но от прожорства или умирает, или страдает. Может ли быть безуміе безумнѣйшее и мерзостнѣйшая неблагодарность богу, промышляющему о нас, как бояться глада? Нужнаго видѣ никто не лишается. Почто

клеветаете на владыку вселенных, аки бы он голодом губил своих домочадцев? Пища насущна от небесного отца всем подается тварям. Будь только малым доволен. Не жажди ненужного и лишнего. Не за нужным, но за лишним за море плывут. От ненужного и лишнего — всякая трудность, всяка гибель. Всякая нужность видь есть дешава и всякая лишность есть дорога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не нужна и напротив того. Мы гайстры есмы. Ямы зелие, вкушаем зерно, поядаем змий, редко снѣдаем буфоны и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О боже! Кая чародѣйка ослѣпила очи наши не видѣти, что природная нужда малою малостию и малским малым удовлетворяется и что необузданная похоть есть тожде, что питливая пѣвица, раждающая во один ден тысящу дщерей, никогда же рекших: "Довлет!>

П и ш е к. Отрыгну слово еллинское ?????? (мала эй) или турецкое пек эй.— "Вельми? добрѣ". "Благо же!" Но питливая пѣвица разнообразно из околичностей может видь помалу-малу насосать себѣ многого добраца, но уже сухая ваша, немазаная, по пословицѣ, и нѣмая благодарность, скажи, молю, кѣм вам принесет плоды? Чино?к ли, или грунтик, или имперіалик, что ли? Скажи, умилосердись!

Е р о д і й. Она нам не приносит многих плодов, но один великій.

П и ш е к. В одном не много видь добраго найдешь.

Е р о д і й. Отец наш словословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нѣсть блаженная; токмо блаженное есть едино тое, что единое точію есть. Но сем едином, сего же ради и святом, птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ; еродіево же жилище предводителствует ими. "Окаянен (рече) всяк человек есть и все мятется, не обрѣтшій единое".

П и ш е к. Да подай же мнѣ в руки оное твое единое!

Е р о д і й. Премудрая и цѣломудрая госпо?же! Наше добро во огнѣ не горит, в водѣ не тонет, тля не тлит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу есмь и в том, что щастіа и нещастіа нелзя видетѣ. Обоѣ сіѣ дух есть, простѣе сказать — мысль. Мысли в сердцѣ, а сердце с нами, будьте со своими крылами. Но сердце нивидное. Ведро ли в нем и весна, и брак или война, молніа и гром,— не видно. Отсюда-то и прелщєніє, когда нещасных щасливыми, вопреки же, блаженных тво?рим бѣдными.

П и ш е к. Однак я ничему не вѣрю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у мене из младых лѣт мода.

Е р о д і й. Сіа мода есть слѣпецкая. Он ничему не вѣрит, поколь не ощупает лбом стѣны и не падет в ров.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ назови именем духовное твое оное едино. Что ли оно?

Е р о д і й. Не хочется говорить. Певно, оно вам постылою покажется пустошью.

П и ш е к. Здѣлай милость, открой! Не мучи.

Е р о д і й. Оно еллински именуется — ????? или ???????????? 7 (эвфросина).

П и ш е к. Но протолкуй же, Христа ради, что значит сіа твоя харя?

Е р о д і й. Будете видѣ смѣяться.

П и ш е к. Что ж тебѣ нужды? Смѣх сей есть пріятельскій.

Е р о д і й. Оно есть веселіє и радость.

П и ш е к. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мнѣ отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, гол да весіол! Ты мнѣ сим смѣхом на три дня здоровія призапасил.

Е р о д і й. Для мне видь лучше веселіе без богатства, нежели богатство без веселія.

П и ш е к. О мати божая, помилуй нас!.. Да откуда же тебѣ радость сія и веселіе? Оттуду, что ты гол? Вот! в какую пустошь ваша вас приводит благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чем. Веселіе так, как благовонное яблочко. Оно не бывает без яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тве?рда радостѣ, вѣтренно веселіе есть что ли? Пустая мечта — мече?тна пустыня, соніе встающаго.

Е р о д і й. Воистину тако есть. Всяк тѣм веселится, что обожает, обожает же тое, на что надѣется. Павлин надѣется на красоту, сокол на быстроту, орел на величество, еродій же веселится тѣм, что гнѣздо его твердо на единѣ. Порицаете во мнѣ тое, что я гол да весіол. Но сіе же то самое веселит мене, что моя надежна надѣжа не на богатствѣ. Надѣющійся на богатство в кипящих морских волнах ищет гавани. Радуюся и веселюся, яко гнѣздо наше не на сахарном ліодке?, не на золотом пѣскѣ, не на буяном возкѣ, но на облачном столпѣ возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адова вовѣк не одолѣют. Впрочем, в кую суету наша нас вводит благодарность? Не клеветеете ее. Она никогда не низводит во врата адова. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата господня, неблагодарность во адская, возлюбив суету мыра сего паче бысерей, иже суть заповѣди господни, и путь нечестивых, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, им же ходят блаженны непорочный. Что бо ест оный бог: "В них же бог мыра сего ослѣпил разумы"? Бог сей есть неблагодарность. Всѣ духом ея водимый, аки стадо гергесенское, потопляются во езерѣ сует и увязают во блатѣ своих тлѣнностей, ядуще вся дни живота своего и не насыщающесея, жаждущіи, ропотливы и день от дня неблагодарны;

понеже бо не искусиша божія заповѣди имѣти в разумѣ и презрѣли
вкусити ангелскаго сего хлѣба, улаждающаго и насыщающаго сердце;
сего ради предаде их вышній во свинныи мудрованія искати сытости и
сладоу там, гдѣ ея не бывало, и бояться страха, идѣ же не бѣ страх,
дабы из единыя несытости 300 и из единыя неблагодарности 600
родилося дщерей во истомленіе и мученіе сердцам и тѣлесам их и во
исполненіе Исаиных слов: "Сами себѣ ражжегосте огнь вождельній
ваших, ходите убо во пламени огня вашего и опаляйтесь". Не гордость
ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая
Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благовидная свѣтлость высоты
небесныя, аще не заповѣди господни, просвѣщающія очи? Что же паки
есть гордость, аще не бѣсовская мудрость, предпочитающая
драгоцѣнныя одежды, сластныя трапезы, свѣтлыя чертоги,
позлащенныя колесницы и аки бы престол свой поставляющая вышше
скиптра и царствія божія, вышше воли и заповѣдей его? Не только же,
но и всѣ служебный духи (разумѣй, науки мырскія) возносятся и
возсѣдают вышше царицы своея, вышше божія премудрости. Кто есть
мати сих блядивых и презорливых бѣсиков? — гордость. Гордости же кто
мати? — зависть. Зависти же кто? — похоть. Похоти же кто? —
неблагодарность. Неблагодарности же кто? — никто! Тут корень и
адское тут дно. Сія адская душка, жаждна утроба, алчная бездна, рай
заповѣдей господних презрѣвшая, никогда же ничим же удовлетворяется,
дондеже живет, пламенем и хвастіем похотей опаляется, по смерти же
го?рѣ жжется углем и жупелем своих вождельній. Что бо есть сердце,
аще не печь, горящая и дымящая вѣчно? Что же паки есть смерть, аще
не от снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую видѣ во
внутреннем судилищѣ, зерцалом, тайно образующим живо беззаконія,
тайно уязвляет свѣжая память, во снѣ же го?рѣ ужасными ме?чтами,
страшными привидѣній театрами и дикоо?бразными страшилищами
смущает и мучит таяжде вѣчности памятная книга, грозящи достойною
местю. Из неблагодарнаго сердца, аки из горнила вавилонскаго,
похотный огонь пламенными крилами развѣваясь, насиліем сердце
восхищает, да, яже наневидит, та?яжде и творит и тѣмижде мучится.
Ничто же бо есть вѣчная мука, токмо от самаго себе осуждаться, быти
достойным мести. Грѣх же достоинством, аки жалом, уязвляет душу,

покрывающей тмѣ и находящу страху. Надлѣтает же страх оттуду, яко помыслы, не обрѣтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свѣта надежды; помышляя, ужасаются, рассуждая, недоумѣвают, како бы улучшить исход злоключенію... Отсюду раскаяваются без пользы, болят без отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарну!

П и ш е к. Уа! Как балалайку, наладил тебе твой отец. Бряцаешь не вовся глупо. Для мене мило, что сердце есть то же, что печь.

Е р о д і й. Всякое сердце есть жертвенник, огнище или каминок...

П и ш е к. Что же ты замолк?

Е р о д і й. Желаніе есть то неугасаемый огонь, день и ночь горящій. Дрова суть то вся, желаемая нами. Сіе горнило и сія бездна — углѣе огненное, куреніе дыма восходящія до небес и нисходящія до бездн пламенныя волны вѣчно изблевают, са?ма сущи морских бездн и ширина небес всѣх. Тут-то слично подобает сказать святаго Ісидора слово. "О человек! Почто дивишься высотам звѣздным и морским глубинам? Внѣйди в бездну сердца твоего! Тут-то дивися, аще имаши очи". О, глубокое сердце человеку, и кто познает его? О, сердце и воля, безпредѣльный и безконечный аде!

П и ш е к. Видь же и твое сердце горит, и курит, и дымится, кипит, клокощет, пѣнится. Так ли?

Е р о д і й. Со?дома видь горит, курит и протчая, сирѣчь неблагодарное сердце. О всѣх бо неблагодарных пишется: "Горе им, яко в путь Каинов поидоша..." Но не всѣ же суть сердца? Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовонныи, яко кадило дым, возвѣвающіи во обоняніе господа вседержителя. Не вѣсте ли, госпоже моя, яко пеларгіянскій род есмы, раждаемый ко благодарности? Сего ради и от человекъ благочестивый нашим именем знаменаются (еродиос), божіе бо благоуханіе есмы. Не воздаем безумія богу, тщаніем не лѣнныи, духом

горяще, господе?ви работающе, упованіем радующесе, скорби терпяще, в молитвах пребывающе, о всем благодаряще, всегда радующесе.

П и ш е к. Развѣ же у вас благочестіе и благодарность есть тожде?

Е р о д і й. Развѣ же то не тожде есть: благое чествовать и благій дар за благо почитать? Благочестіе чествует тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочестность есть дочь благодарности. Благодарность есть дочь духа вѣры. Тут верх... Вот вам Араратска гора!

П и ш е к. Признаюсь, друже, что сердце мое нудится дивитися сердцу, неописанной (по глаголу твоему) безднѣ. Оно мнѣ час от часу удивительнѣе. Слово твое дѣйствует во мнѣ, будто жало, впущенное в сердце пчелою.

Е р о д і й. Сего ради ублажаю вас.

П и ш е к. О чем?

Е р о д і й. О том, что ваше желаніе, или аппетит, начал остритися ко единой сладчайшей и спасительнѣйшей со всѣх пищей пищѣ. Как денница солнце, так и сіе знаменіе ведет за собою здравіе. Недужной утробѣ мерзка есть ядъ самая лучшая и ядъ для нея. Здоровое же и обновленное, яко орляя юность, господем сердце преображает и ядъ в сладкополезну ядъ. Кая спасительнѣе пища, как бещда о богѣ? И всѣ гнушаются. Что горестнѣе есть, как пароксизмами мырскихъ сует волноватися? И всѣ услаждаются. Откуда сія превратность? Оттуду, яко глава у нихъ болитъ. Бо?льны, послѣды же ме?ртвы, и нѣсть Елиссея сихъ умонеду?жныхъ и сердобольныхъ отроковъ воскресити. Что бо есть в человѣкѣ глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же человѣку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что ли есть болящаго сего отрока, аще не перломатерь, плоть тѣла нашего, соблюдающая во утробѣ своей бысер оный: "Сыне, храни сердце твое!" "Сыне, даждь мнѣ

сердце твое!" "Сердце чисто созижди во мнѣ, боже!" О блажен, сохранивший цѣло цѣну сего маргарита! О благодарности, дщерь господи Саваофа, здравіе жизни и воскресеніе сердцу!

П и ш е к. Пожалуй, еще что-либо поговори о сердцѣ. Вѣдь? люблю.

Е р о д і й. О любезная госпожа моя! Повѣрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бесѣдовать о сердцѣ не будет вам ни омерзѣнія, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его наречены — "царское священіе".

П и ш е к. Для чего?

Е р о д і й. Для того, что вся протчая дѣла суть хвост, сіе же есть глава и царь.

П и ш е к. Ба! А что значит глум? Я вовсе не разумѣю. Мнѣ, яко иностранное слово, сіе.

Е р о д і й. Никако. Оно есть ветхославянское, значит то же, что забава, еллински (???????? — діатріба), сирѣчь провознесеніе времени. Сей глум толико велик, яко нарочито бог возбуждает к нему: "Упразднитесь и уразумѣйте", толико же славен, яко Давид им, яко же царским, хвалится: "Поглумлюся в заповѣдех твоих". Древле един точію Израиль сею забавою утѣшался и наречен языком святым, протчіи же языцы, гонящіи и хранящіи суетная и ложная, — псами и свиніями. Сей царскій театр и дивный позор всегда был присный и неразлучный всѣмъ любомудрымъ, благочестивымъ и блаженнымъ людямъ. Всякое позорище ведет за собою скуку и омерзѣніе, кромѣ сего; паче же сказать: чемъ болѣе зрится, тѣмъ живѣе рвется ревность и желаніе. Елико внутренне отверзается, толико множайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайшій и насытый сотъ вѣчности? Мыр насытый есть, яко не удовлетворяет. Вѣчность насыта, яко не огорчает. Сего ради глаголетъ: "Сыне, храни сердце твое". Разжевавъ, скажите такъ: "Сыне, отврати очи

твои от сует мирских, перестань примѣчать враки его, обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тут дѣлай наблюдєнія, тут стань на стражѣ со Аввакумом, тут тебѣ обсерваторіум, тут-то узриш, чего никогда не видал, тут-то удивишься, насладишься и успокоишься".

П и ш е к. Но для чего, скажи мнѣ, всѣ сердце презирают?

Е р о д і й. Для того, что всѣ его цѣны не презирают. Сердце подобно царю, во убогой хижинкѣ и в разѣ живущему. Всяк его презирает. А кому явилось величїе его, тот, пад ниц, раболѣпно ему поклоняется и сколь можно, все презрѣв, наслаждается его и лица и бесѣды. Слово сіе: "Сыне, храни сердце твое" — сей толк и сок утаева?ет. Сыне! не взирай на то, что твое тѣлошко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка прѣстолародная, по?ртище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. В хижинкѣ той и под убогою тою одеждою найдешь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, петру и спасете твое. Быстро только храни, блюди и примѣчай. А когда паки Давид гово?рит: "Поглумлюся в зап[овѣдех] твоих" — не то же ли есть, что сказать так: "Наслаждуся твоего лица, словес твоих, совѣтов и повелѣній"? Самое видѣ величїе его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустой видѣ вопль сей: "Исповѣмся тебѣ, яко страшно удивил мя еси". В древняя лѣта между любомудрыми встал вопрос сей: "Что ли есть наибольшее?.." О сем всѣ размышляли чрез долгое время, лѣтом и зимою, нощїю и днем. Породилися о сем книги. Отдавалося от ученых гор по всей вселеннѣй многое многих отвѣтов и разногласное эхо. Тогда-то размѣсишася и слїяшася языцы. Встал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотворенїи обрѣтєся муж нѣкій, не ученый, но себе прозрѣвшїй. Сей, паче надежды, обезглавил Голіафа. Смутилася и воскипѣла вся мусикїя, поющая пѣсни бездушному истукану, тлѣнному сему миру, со златою его главою — солнцем. Злоба правдѣ прирази?лась, но о кифу вся разбилась. Востали борющїя волны, но побѣду достала славна сія слава: "Посредѣ (рече) вас живет то, что превышше всего есть". О боже, коль не слична мусикїя без святаго духа твоего! И коль смѣхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю

вас, любезная госпо?же моя, не смѣйтесь и не хулите отца моего за то, что ничего нас не научил, кромѣ благодарности. Я стану плакать, утеку и полечу от вас.

П и ш е к. Постой, постой, любезный мой Еродій. Нынѣ не только не хую отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нынѣ начало мнѣ, аки утро зарыть, тако открыватися, коль великое дело есть благодарность! Сотвори милость, еще хотя мало побесѣдуй.

Е р о д і й. О добродѣйко моя! Пора мнѣ за моим дѣлом лѣтѣть.

П и ш е к. Друзе мой сердечный! Я знаю, что отец твой есть милосердая и благочестивая душа, не разгнѣвается за сѣе.

Е р о д і й. Чего ж вы желаете?

П и ш е к. Еще о сем же хоть мало побесѣдуем.

Е р о д і й. Станем же и мы ловить птицу тысячу лѣт.

П и ш е к. Что се ты сказал?

Е р о д і й. Вот что! Нѣкій монах 1000 лѣт ловил прекраснѣйшую из всѣх птиц птицу.

П и ш е к. Знал ли он, что уловит?

Еродій. Он знал, что ее вовеки не уловит.

П и ш е к. Для чего ж себе пусто трудил?

Е р о д і й. Как пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуют. Забава есть врачевство и оживотвореніе сердцу.

П и ш е к. Вот развн чудный твой глум и дивная діатриба?!

Е р о д і й. Воистину чудна, дивна и прекраснйша птица есть внчность.

П и ш е к. О! Когда внчность ловил, тогда не все трудился. Внрую, что она слаже меда. Посему великое днло есть сердце, яко оно естн внчность.

Е р о д і й. О любезная мати! Истину рекла еси. Сего толикаго дара и единого блага слнпая неблагодарность, не чувствуя за 1000 безднлиц, всякій день ропщет на промысл внчного и сим опалается. Обратися, окаянное сердце, и взглянь на себе самое — и вдруг оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездно? Како воля твоя низвергнула тебе во мрачную сію бездну, преобразив свнт твой во тму? Любезная мати, разумнете ли, откуда родится радуга?

П и ш е к. А скажи, пожалуй, откуда? Я не знаю.

Е р о д і й. Когда смотрит на себе в зарца?лн пречистых облачных вод солнце, тогда его лице, являемое во облаках, есть радуга. Сердце человеческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждает преднл обуреваній, иже есть радостная оная дуга Ноева:

Прошли облака,

Радостна дуга сіяет.

Прошла вся тоска,

Світ наш блистает.

Веселіє сердечное есть чистый свѣтъ ведра, когда миновал мрак и шум мырскаго вѣтра.

Дуга, прекрасна сіяніем своим, како ты нынѣ отемнѣла? Деннице пресвѣтлая, како нынѣ с небесе спала еси? Ау! Низвергла тебе гордость, дщерь безчувственныя неблагодарности, предпочетшая хобот паче главы, снѣхъ преходящу паче мамврійскаго дуба. Еже бо кто обожает, в то себе преображает. Удивительно, како сердце из вѣчнаго и свѣтлаго преобразается в темное и сокрушенное, утвердившись на сокрушеніи плоти тѣла своего. Таков, еще себѣ зол, кому добр будет? "Разумивый же праведник себѣ друг будет и стези своя посреди себе упокоит". Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе — ѣмѣть дома, внутри себе, все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своя, от самаго сердца, аки тѣнь от своего дуба, и аки вѣтвы от корене, и аки одежда от носящаго ее, зависящая. Вот тогда-то уже рождается нам из благодарности матерѣ подобная дщерь, еллински именуемая ????????? (автаркѣя), сирѣчь самодовольность, быть самым собою и в себѣ довольным, похваляемая и превозносимая, яко сладчайшій истиннаго блаженства плод, в первом Павловом письмѣ к Тимофею, в стихѣ 6-м так: "Есть снисканіе веліе — благочестіе с доволством". Вот вам два голубиная крила? Вот вам двѣ денницы! Двѣ дщери благодарности — благочестность и самодовольность. "И полещу и почію". Да запечатлѣтся же сія бесѣда славою отца моего сею: главизна воспитанія есть: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности.

П и ш е к. Ба! На что ж ты поднял крила?

Е р о д і й. Прощайте, мати. Полечу от вас. Сердце мое мнѣ зазирает, что не лечу за дѣлом.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ привитайся з дочерьми моими.

Е р о д і й. Здѣлайте милость! Избавте мене от вашего типика.

П и ш е к. Мартушка моя поиграет тебѣ на лютнѣ. Вертушка запоеет или потанчит. Они чрез верх благородно воспитаны и в модѣ у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они пѣсеньки слагают? И вѣришь ли, что они в модѣ при дворѣ у Марокскаго владѣльца? Там сынок мой пажем. Недавно к своей роднѣ прилетѣл оттуда здешній попугай и сказал, что государь жалова?л золотую табакирку...

Е р о д і й. На что ему табакирка?

Пише к. Ха-ха-ха! На что? Наша видь честь зависит, что никто удачнѣе не сообразуется людям, как наш род. Носи и имѣй, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Е р о д і й. Не знаю.

П и ш е к. Имя ему Пѣшок. Весьма любезное чадо.

Е р о д і й. Бога ради, отпускайте мене!

Пише к. Куда забавен скакун! Как живое серебро, всѣми составами мает. Принц любит его, цѣлые часы проводит с ним, забавляясь.

Е р о д і й. О сем его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

П и ш е к. Постой, друг мой, постой! А о благом рожденіи не сказал ты мнѣ ни слова? Так ли? О-о, полетѣл! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, скачал...

В е р т у ш к а. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рожденіи принесу вам карту.

П и ш е к. А когда же то будет?

Еродіи не лгут. Он в слѣдующем мѣсяцѣ маѣ паки посѣтил сію госпожу. Принес о благом рожденіи свиток, но не мог ничем се утѣшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жесточае не свирѣпѣет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надѣжду свою на лживом морѣ мыра сего и на лжекамнях его, узрит, наконец, опроверженное гнѣзно свое и разоряющійся град ложнаго блаженства. Господин Пѣшок, прескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшія дщери начали безчинствовать и хамским досаждепіем досаждают матерѣ. Вскоре она умре, дом же стал пуст. Тогда, аки желѣзо на водѣ, всплыла на верх правда, яко силнѣе всего есть страх божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродій, отлѣтая, повѣсил на цвѣтущем фнникѣ лист сей:

СВИТОК

о благом рожденіи чад ради благочестивых,

сострастных и здравых родителей.

Сѣй в перву и втору луну, сирѣчь в квадрѣ,

Сѣй, изшед из пиров и бесѣд священных.

Зрѣвъ мертвеца или страшен позор не сѣй

Заченшей сверх не сѣй Не в мѣру пян не сѣй.

Заче?нша да носит в мыслях и в позорах святых,

И в бесѣдах святых, чужда страстных бурей,

В тихом безстрастїи во зрїнїи свягых.

Тогда собудется: "И пройде дух хлада тонка и тамо бог" (Книга Царств).

По сем гайстер вознесся выспрь, воспївал малороссійску пісенку сію:

Соловеечку, сва?тку, сва?тку!

Че бывал же ты в садку, в садку?

Че видал же ты, как шют мак?

Вот так, так! Шют мак.

А ты, шпачку, дурак...

Сію пїсенку мальчики, составив лик, сирїчъ хор, или коровод, домашній его пївчїй во увеселенїе спївали святому блаженому єпископу Іосафу Горленку.

А м и н ъ.

1 [Quadra] — четверть (лаг.).

2 XCITQE есть поздравленїе еллинское — радуйся! Салам — турецкое. Славянски — мир да будет тебѣ! Прим. Ск.

3 Бонжур — французское — добрый день! Кали? име?ра — грецкое слово — то же. Прим. Ск

4 Gehorsamer Diener — нїмецкое — покорный слуга. Прим. Ск.

5 Salve (салве) — римское — благоденствуй! Спасайся! Прим. Ск.

6 [Urina] —сеча (лат.).

7 Радість (грецьке).